
Columbidae: о диких голубях тропического леса

Александр Федорович Котс

В отличие, от приведенных ранее семейств или отрядов птиц, рассмотренных в порядке общего обзора, при использовании обильных материалов **Дарвиновского Музея** и обширных монографий, три последующие группы птиц мы вынуждены разобрать только частично по причине ограниченности материалов нашего Музея и отсутствия новейших сводок, посвященных этим группам.

И, однако, в подтверждение общеизвестной истины, что выводы и обобщения, детально обоснованные на анализе двух-трех обширных групп животных, оправдаются и материалом, более отрывочным других животных групп, мы, обращаясь к изучению последних, попытаемся базироваться все же главным образом на материалах нашего Музея, лишь попутно дополняя их литературными цитатами.

Отряд **Columbae**... «Голубиных» представляет, как известно, группу резко обособленную, как структурно, так и в отношении биологическом и это вопреки наличию некоторых форм, стоящих несколько особняком по типу оперения, строению, размерам и повадкам.

Оставляя беглое упоминание последних до конца нашего очерка, начнем с семейства «Плодоядных» голубей (*Carpophagidae*...), широко распространенных в тропиках Старого Света и представленных в нашем Музее небольшой, но очень instructивной серией, охватывающей около десятка с лишним форм.

Как ни мизерна эта цифра по сравнению с общей (до 260), до сих пор описанной, но даже ограничиваясь ею, этой дюжиной отдельных видов, можно прочесть на ней намеки на известные закономерности сквозь мнимый хаос красок и рисунков оперения.

Как и обычно, при знакомстве с новой группой птиц, так и при первом взгляде на цветное оперение наших голубей нас поражает всего прежде более **различия**, чем **сходство** оперения и это не смотря на явное преобладание цвета **зеленого** во всех оттенках. Но взгляните, как по этому преобладающему фону прихотливо и причудливо разбросаны самые яркие, цветистые мазки и пятна, ленты и каемки, кромки и пестрины!

Всматриваясь ближе в этот мнимый хаос красок и узоров, можно убедиться, что отдельные участки тела предпочтительно перед другими изукрашены: сюда относятся цветная шапочка, окраска зоба, грудки, нижних кроющих хвоста, то ярко-желтые, то огненно-оранжевые, то пунцовые...

Расцветка эта представляется тем более загадочной, что при покойном положении птиц она едва заметна, а в движении, при стремительном полете голубей едва ли может выявиться как «сигнальные» отметины.

В трех отношениях эта пестрота нарядов замечательна у голубей.

Так, всего прежде — приуроченностью преимущественно к нижней стороне их тела и преобладанием цвета зеленого на верхней: оперении мантии, хвоста и крыльев.

Такова окраска подавляющего большинства всех голубей тропического пояса: тропическая сень лесов словно накинула на оперение своих питомцев защитной покров во всем многообразии нюансов, переливов бликов и теней, то тусклых и тупых, цвета оливы или малахита, то сверкающих смарагдами и изумрудами.

И принимая во внимание незащищенность этих птиц, обороняемых лишь быстротой полета, можно только удивляться, почему эта защитная окраска не присуща всем сочленам той же группы.

Посмотрите на миниатюрных обитателей далекой Океании — о-ов Фиджи, Самоа и Тонга, голубков, носящих имя знаменитого и столь злосчастного мореплавателя Ла-Перуза: *Ptilorps perousei*.

Снизу белый с розовым подхвостьем, слабой розовою перевязью на груди, пурпурной шапочкой, пурпурной перевязью на спине, белой головкой, серовато-желтовато-белой мантией и белыми рулями.. от зеленых «защитных» покровов сохранились лишь смарагдовые маховые!

Посмотрите на аборигена Фиджи, огненно-оранжевого *Chrysoe nas victor* у которого от защитной окраски сохранилась лишь оливково-зеленая головка...

Оставляя до другого места приведение еще более кричащих отступлений от «Закона Защитной Окраски» в оперении этих беззащитнейших созданий, голубей тропического леса, обратимся к рассмотрению второй особенности, свойственной значительному большинству из них.

Мы разумеем элемент полупогашенности большинства нарядов даже там, где природная палитра не скупилась на цвета и краски.

Посмотрите на окраску трех Ново-Гвинейских голубей, самым названием выдающих красоту их оперения: *pulchellus*, *bellus superbus*.

Оперение последней форты представляется особенно типичным. И действительно, каких только цветов и красок не имеется на нем! тут и пунцовая на шапочке, и синяя на перевязи у груди, и синие же пятна-крапины на плечевых и сгибах крыльев и зеленая на мантии и на боках, на рулевых, но все эти цвета приглушены, погашены.

Словно невидимой рукой проведена по ним поверхностная лессировка...

Или посмотрите на миниатюрного *Ptilopus pulchellus* его пурпурно-малиновою шапочкой, зеленым верхом и многоцветистым низом, словно сшитым из сменяющих друг друга лент или полос: голубовато-белого, пунцового, оранжевого, желтого...

Или, на более солидного по росту голубя *P. bellus*: сверху сплошь зеленого с пунцовым теменем, а снизу — с пятикратным поясом: цвета зеленый, желтый, белый, пурпурный и вновь зеленый в самом смелом сочетании, но все они, эти цвета полупошашены и даже золотисто-желтый цвет берет не столько интенсивностью пигмента, сколько контрастирую со смежным фоном.

Два начала словно борются на оперении этих птиц: блеснуть многообразием окрасок смелым синтезом цветов и одновременно смягчить, убавить эту пестроту, частично полупогасив ее.

И, наконец, последняя особенность, лишь подтверждающая предыдущие.

Мы разумеем крайне любопытный факт наличия у многих голубей подробностей «орнаментовки» в такой степени минуциозной, что приписывать ей «аппативную», биологическую роль нет ни малейших оснований.

Посмотрите на детали мантии *P. bellus superbus*: эти темно-синие округлые пестрины или пятна на вершинах плечевых и верхних кроющих крыла, на нежную рассученность и вильчатость вершинок опухал на оперении груди у самых разных по окраске форм:

Розово-белых у *P. regusei*

Серо-фиолетовых у *P. superbus*

Зеленовато-серых у *P. swainsonii*

Содействуя изяществу «ансамбля» эти скрупулезные детали трудно подвести под рубрику «приспособлений», а тем самым вразумительного объяснения, учитывая, что ближайшие сочлены этих обладателей «гофрированных манишек» не имеют таковых.

И дополняется эта «курчавость» перьев их двойной окраской, именно поскольку «вильчатая» часть окрашена отлично от сплошной и целостной прикорневой, просвечивающей сквозь первую: то розовая через белую (*P. regusei*), то малахитово-зеленая — сквозь серую (*P. swainsonii*).

Это созвучное и согласованное изменение структуры и окраски опухал как бы направленное к получению целостного и определенного эффекта, крайне затрудняет низведение всего процесса эволюционного развития пера к простой «случайности» и еще менее к простому механическому постепенному лишь наращению и появлению порознь отдельных компонентов, смысл и оправданность которых в целостном, единовременном их сочетании.

Сходные сомнения вызывают и другие, столь же мелкие отличия, присущие отдельным видам.

Перед нами пара голубей нас занимающего рода, именно **Ptilopus**, оба сверху и снизу тускло-травяно-зеленые с пепельно-серой головой.

Левый — с желтой горловой полоской, с черным затылочным пятном (откуда и название голубя: *P. melapocarpus*, т.е. «черноголовый»); — правый *P. ionogastor* без затылочной отметины, но с темно-фиолетовым пятном на брюхе. У обоих — желтое подхвостье, дополняемое у черноголового пунцовыми концами нижних кроющих хвоста.

И вот мы спрашиваем: этот желтый подбородок, эти черные затылки, это спрятанное между ног пятно фиалкового цвета — столь полезные, как диагнозы, орнитологу, в такой ли степени они оправданы биологически, как адаптивные, приспособительные признаки?

Ответ напрашивается, как будто, только негативный, если бы не обстоятельство, повторно уже привлекавшее наше внимание.

Мы разумеем самый тип осуществления пестрин и пятен.

В самом деле. Будь означенные пятна, перевязи, ленты и пестрины образованы за счет отдельных перьев, сплошь покрашенных в различные тона, проблема генезиса их не предreshала бы их смысла.

Но не то, когда осуществляется узор **за счет частей того же опахала** и граница разной цветности проходит не между различными по цвету перьями, но рассекая, перерезывая опахала, пигментация которых предопределяет тот или иной законченный и целостный узор.

Особенно разительна такая «многоярусная» пигментация отдельных опахал там, где, как у *P. bellus* и *rufoh???*, резкое чередование полос и перевязей на груди и брюхе и смотря по положению их на теле, опахала перьев соответственно «зонально» многоцветны: белые с пурпурными каемками, зеленые — со снежно-белыми, а чуть пониже, белые с зелеными, зеленые с малиновыми коймами.

Но, разумеется, как и при рассмотрении всех предыдущих групп, Трогонов, Питт, Бородачей, Нектарок и Туканов, самым убедительным, реальным аргументом, говорящим за спонтанное когда-то появление цветастых, красочных нарядов остается любопытное явление дихроматизма, свойственное некоторым голубям.

Громаднейшее большинство их, правда, монохроматично, как то особенно наглядно нам показывают формы типа оперения *P. viridis*, густо-зеленых с интенсивно пурпурно-малиновой грудью у обоих полов и *P. wallacei*, нежно-пепельно-голубоватые с трехцветным низом и пурпурной шапочкой, тождественные у обоих полов.

Но уже у вышеупомянутой *P. bellus* сплошь зеленая окраска самок резко отличается от оперения самца с его зеленым верхом, но цветисто-многоярусной окраской низа и пунцовым теменем.

А что сказать о также уже упомянутом *Ch. victor*: яркая пылающая, почти сплошь оранжевая при зелено-серой голове, перо самцов так непохоже на наряды самок, сплошь зеленых что не будь тождественных размеров, сходства склада и седой головки, да конечно всего прежде надписи на этикетках, никому бы в голову не приходила мысль о сведении обеих птиц к тому же виду.

Глядя на последние две пары птиц с их резким половым дихроматизмом, так естественно увидеть в нем подобие пути и формы зарождения видовых дихроматизмов, приводивших в свое время, в свою очередь и к видовому монохроматизму, т.е. к появлению и закреплению новых комбинаций признаков, окрасок и узоров.

Появление последних в форме долгого и постепенного слагания столь же мало мыслимо, как невообразимо медленно нарастание оранжевых тонов теперешнего оперения самца *Chr. victor* из зеленого наряда самки.

В предыдущем мы коснулись лишь ничтожной части той плеяды красочных, цветистых обликов, той нескончаемой симфонии цветов и красок, цветовых мотивов и узоров, что нашли свое отображение в полтысячи без малого различных форм Отряда Голубиных птиц.

На очереди — факты еще более загадочного свойства.

Перед нами пара птиц, в которых, если бы не столь типичный «голубиный» клюв, ничто не выдавало бы их принадлежность к голубям: настолько оперение необычайно по структуре и окраске.

Свешиваясь до средина тела тянется от головы густая грива, длинные, узкие космы перьев темного смарагдо-пурпурного цвета. Подстилая их, охватывая мантию, спину, надхвостье светятся, сверкают, как расплавленная медь и бронза, серповидно и ланцетовидно загнутые, суженные перья, а эффектно оттеняя их, сплошь заливая крылья искрятся смарагдом кроющие крылья.

Резко контрастируя с этим блестящим верхом и созвучием равномерно и умеренно блестящим низом выступает белоснежный куцый хвост, с первого взгляда выдающий эту облеченную в расплавленную медь и бронзу птицу к племени столь беззащитных голубей.

Своеобразная по складу и по оперению эта, птица необычна и по своему распространению: от Никобарских островов через малайский Архипелаг (кроме группы Тимора) и до Соломоновых островов.

На всем этом громадном протяжении она одна и та же.

Лишь на крохотном, лежащем эксцентрично, островке «Полау» она представлена особой местной формой, меньшей ростом и с индиго-синим (не зеленым) блеском оперения.

Перед нами очень любопытный случай: широчайшее распространение формы, крайне однотипной и с одной только локальной формой, приуроченной к изолированному островку.

Естественно спросить: Откуда, каким образом возник этот своеобразный «Никобарский Голубь»?

Ответ — только один: «Не знаем!» Никаких посредствующих, переходных форм, связующих его с другими, более обычными сочленами семейства **Geotrygonidae** (голубей наземных) неизвестно.

Нет, конечно, ничего более легкого, как заявить: Эти связующие формы были ранее, но вымерли, как менее приспособленные к жизненным условиям, а «Никобарец» пережил, как более приспособленный!

Но столь же очевидно, что довольствоваться этим трафаретным «объяснением» значит заменить науку и пытливость мысли схемой и шаблоном.

И действительно. Зачем, казалось бы, осуждены были на вымирание «предки» Никобарцев, в свое время бывшие отлично приспособлены для жизни и при том в десятках разных формах (ибо меньшим их числом немисливо связать теперешнего Никобарца с его предками, более близкими к другим ныне живущим голубям..)

И другой вопрос: Что заставляло этих предков вымереть? Неужто «внешние условия» так круто изменились, что ужитья в них дано было только теперешнему «Никобарцу»? Неужели эти внешние условия сменились резче, чем сменяются сейчас они в различных пунктах общего распространения этой птицы: в джунглях Явы, Борнео, Суматры, в зарослях Новой Гвинеи, островов Молуккских и коралловых аттолов или рифов Океании?

И так ли вероятно это массовое вымирание, если учесть что голуби бескрылые и неспособные к полету, ныне вымершие «Дронты» жили массами на Маскаренских островах до истребления их человеком на исходе позапрошлого столетия..

Иное дело, обитай наш Никобарец ограниченный район (подобно приуроченному к Самоанским островам так наз. «Голубю Зубастому» (**Didunculus strigirostris**), родичу Дронта: ссылки на принципы вымирания предков опирались бы о вымирание потомка. Но не то для голубя, который захватил пространство свыше 60 градусов по долготе, от Никобарских островов до Соломоновых и думать, что ближайшим и **немногим** лишь отличным его предками (при принятии лишь медленной и постепенной эволюции!) не удавалось выжить — есть гипотеза, граничащая с фикцией..

Эти сомнения тем более оправданы, если учесть, что сходным образом и каждый раз, когда мы просим показать хотя бы лишь примерных «прародителей» ныне живущих видов, нам всегда и неизменно слышится штампованный ответ: «Все они вымерли, не приспособившись в борьбе за жизнь!» И это при полтысячи различных форм ныне живущих голубей, предельно разнящихся по размерам, складу, по окраске, по повадкам, по распространению и биотопам.

Более того, известно, что как раз у диких голубей, повадки, в частности манера гнездования (как наиболее решающая в смысле обеспечения выживания!) весьма пластичны, как показывает нам пример с «Зубатым Голубем» (*Didunculus strigirostris*) с острова Самоа, прежде гнездившимся лишь на земле, затем с ввозением на острова свиней и кошек, ставшим близко к вымиранию, а ныне вновь размножившимся вследствие перенесения гнездовья на деревья.

Но, однако, если при таком внезапном и искусственном внедрении новых осложняющих моментов быта птица так успешно справилась в короткий срок и «на ходу», переменивши круто образ жизни, то имеются все основания предполагать, что при естественных и менее внезапных изменениях условий жизни, птицы еще легче приспособились бы к новым ситуациям.

Сомнительна эта гипотеза «неприспособленности» предков современных птиц еще по следующим двум мотивам.

I. Факт населенности тех же местностей и частью сходных биотопов разными видами голубей, весьма различных по величине, окраске, по строению и складу, факт, свидетельствующий о том, что внешние различия животных далеко не означают соответствующие различия в повадках.

Хорошо известно, что столь разные по складу и манере гнездования наши голуби — Витутень, Клинтух и Сизарь, равно охотно посещают для кормежки сжатые поля.

Но если ныне разные виды по способу гнездования диких голубей столь близки по кормежке, то естественно предположить, что предки современных диких голубей (конкретно: предки клинтухов к теперешнему клинтуху) по нраву были несравненно более им близкие, еще свободнее и легче применялись к измененным жизненным условиям, тем проще и успешнее, что наступали эти изменения лишь очень медленно, давая время к столь же медленным приспособлениям.

II. Странники гипотезы «былого вымирания предков современных видов вследствие неприспособленности к жизни» забывают, что единственной конкретной базой для аргументации может служить явление «локальных форм», — факт обитания близких форм, подвидов или рас, в двух, или более, смежных ареалах.

Говоря точнее: мысленно вообразить себе конкретно те примерные ступени, или стадии, вернее, тот диапазон изменчивости, те примерные «шажки» и сдвиги, по которым шла былая эволюция ныне живущих видов, можно только по сравнению и аналогии с теперешними расами.

А между тем, как раз такие местные, географические расы хорошо показывают нам двоякое: то редкую пластичность и приспособляемость одной и той же расы к разным биотопам, то обратно, явные отличия в окраске и размерах близких разновидностей при крайне сходных биотопах.

Вместе взятое нас вынуждает отнестись к означенной гипотезе (о поголовном вымирании в «борьбе за жизнь» рас, предшествовавших современным видам), как к формальной, умозрительной отписке, продиктованной априоризмом и дедуктивизмом мысли, а не фактами реальных наблюдений и логическим анализом.

Но возвратимся после этих отступлений к «Никобарцу» и его сверкающему оперению.

Тот факт, что вместе с ним, в тех же местах, и тех же биотопах, процветают многие десятки форм тропических и, в частности «наземных» голубей самой различной масти, и при том на необъятном протяжении от Никобарских островов до Соломоновых — факт этот говорит о малой прихотливости этого голубя к условиям существования, для которых ни затылочная грива, ни сверкающее медью и смрагом оперение не имеют ни малейшего значения.

Мы сознательно продискутировали случай с «Никобарцем» более подробно, как пример особа показательный.

Но столь же поучительным является другой пример, даваемый «Венеценосным голубем», как представителем особого семейства (именно: **Goura**) и представленного лишь немногими видами, но в отличие от Никобарца, приуроченными к узко ограниченному району. Эта любопытная локализация, как и сама необычайность птицы, побуждает посвятить ей специальное внимание.

Перед нами тройка рослых птиц приятно-сизо-голубого цвета с импозантными хохлами, складом тела и высоконогостью (как и по своим повадкам) несколько напоминающих фазанов.

Под названием «венеченосных» и «веероносных» голубей объединяют, как известно, самых крупных современных представителей Отряда, образующих особое семейство и представленных полдюжиной отдельных форм, всецело приуроченных к Новой Гвинее и прилегающим к ней островам.

При однотипности размеров, склада и окраски эти голуби распределяются по двум подгруппам, различающимся по строению головного украшения.

У одних хохол составлен из пучка, или системы длинных тонких стержней, обрамленных супротивным рядом редких волосообразных нитей, превращающих весь этот головной убор в подобие венца.

К этим «венеченосным» голубям относятся две трети установленных доселе форм, распределяемых «викарно» по различным ареалам и островам Новой Гвинее:

Goura coronata, наиболее обычная, нередко содержащаяся в Зоологических Садах. **Низ сизый**, крыловое зеркальце — **белое** Зап. часть Н. Гвинее, острова Вайгау, Батанте, Салаватти и Майсор.

Близкая к ней *G. sclateri*: ни частью **красно- бурый**, зеркальце — **белое**: Центральная Часть Н. Гвинее (вдоль рек Флай и Катау.)

Сходная с ней, но зеркальце **сизое**: *G. Albertisi* Юго-вост. часть Н. Гвинее.

Сходная с ней, но горло черное, зеркальце сизое: *G. scheepmakeri* Юго-Зап. Гвинее, против пролива Марианны.

Вторую группу образуют голуби с хохлом иного типа, состоящим также из рассученных двурядных распущенных нитей на тончайших стержнях, но несущих на концах подобия коротких опахал округло-треугольной формы с белыми венчающими кромками. Низ — буровато-красных, зеркальце — сизое.

К этим «веероносным» голубям относятся две формы:

Более обычная *G. victoriae* с островов Иоби и Майсори в заливе Гельвинка (Сев. часть Новой Гвинее) и более редкая

G. beccarii — более крупная с северного побережья Н. Гвинее.

Перед нами крайне интересный и глубоко поучительный пример.

И в самом деле. Всматриваясь ближе в отличительные свойства этих викарирующих птиц, нетрудно видеть, что помимо головных уборов, остальное оперение этой полдюжины различных форм является под видом комбинации двух основных исходных видов: именно *Goura victoriae* и **Goura coronata**.

Первая, согласно сказанному, отличается помимо кроны красно-бурым низом и голубоватым зеркальцем.

Вторая — белым зеркальцем и сизым низом.

А теперь взгляните на ближайших трех сочленов группы «*coronata*»:

G. sclateri: низ, красновато-бурый, позаимствован от *G. victorii*, белое зеркальце — от *G. coronata*.

Goura albertisii: низ, красновато-бурый, позаимствован от *G. victorii*, сизое зеркальце — от нее же.

Goura schipmakerii: низ, красно-бурый позаимствован от *G. victorii*, сизое зеркальце от нее же.

Но нетрудно видеть, что три формы эти в отношении двух основных диагностических отличий представляют мозаические сочетания признаков, распределенных порознь по основным двум видам: **Goura coronata** и *G. victoriae*.

Но затрудняясь разгадать природу или сущность этих комбинаций всех тех же свойств в сторону ли подлинной гибридизации или явления параллельной лишь изменчивости, можно уверенно сказать, что все четыре формы голубей «венеченосных» — суть лишь местные, локальные, географические расы той же **Goura coronata**.

Несколько иначе дело обстоит с «веероносным» голубем, известного в двух формах: островной (типичной) *G. victoriae* и континентальной — *G. beccarii*.

Различия обеих — очень незначительны и выражаются в несколько большем росте, свойственном континентальной форме, да в более пышном головном уборе (большем развитии светлых треугольных окончатый перьев хохолка.)

Очень характерно, что, как и обычно, форма островная (*G. victoriae*) более мелкая, материковая (*G. besaiae*.) крупнее.

Но не углубляясь в дебри и детали выяснения того, какими именно путями шло когда-то расщепление общего былого предка этих голубей на нынешних «венеценосных» и «веереоносных», можно думать что такое расщепление имело место, ибо даже специфичные детали построения «веера» или «короны» не настолько разнятся, чтобы взаимное их выведение представляло трудности.

Иной вопрос: **Откуда самый тип этих корон и вееров** и самый тип сложения и склада, оперений и повадок этих «голиатов» голубинового отряда? Каким образом представить себе их происхождение?

Где, в какой группе столь обширного отряда голубиных нам искать следы их родословных связей, близких, или отдаленных родичей? напрасное старание! Как и обычно все эти вопросы остаются таковыми.

Даже в величайшей сводке генетических соотношений птиц фундаментального труда Фюрбрингера (стр.....) можно найти лишь причисление Венеценосных голубей к самостоятельному подсемейству с указанием на присущность им отчасти примитивных признаков, отчасти приобретенных вторично. Ясно, что такая осторожная формулировка ничего не говорит, как и попытки некоторых авторов объединить «венеценосных» голубей и Никобарцев. Совершенно очевидно, что построить в мыслях даже приблизительно подобие чего-то «среднего арифметического» между «Никобарцем» и «венеценосцем» не под силу самому пылкому воображению...

Но тем уместнее прикинуть в мыслях те причины, или обстоятельства, которые могли так совершенно и бесследно уничтожить в современной фауне все следы былого, все свидетельства и корни эволюции, происхождения этих венеценосных и веереоносных голубей.

Полезно помнить: По обилию разнообразных форм Отряда голубиных Папуазия может считаться центром их возникновения.

И тем загадочнее, почему не сохранилось что-либо из «предковой родни» интересующих нас птиц?

То, что последние в своих различных местных расах как бы поделили Новую Гвинею, закрепившись даже на отдельных прилежащих островках, свидетельствует о давнишнем заселении острова, быть может даже о возникновении на нем этих громоздких птиц во всяком случае о полной приспособленности их к условиям существования на этом острове.

Но неужели же ближайшие их предки оказались в столь великом диссонансе с окружающей природой, или новые условия сложились так внезапно и так поголовно неблагоприятно, что всецело на чисто смели и уничтожили ближайших предков и предтеч нынешних венеценосных и веереоносных голубей?

А как представить себе этот резкий и внезапно проявившийся разрыв между условиями жизни и природой птицы? В отношении ли климата? Но он едва ли мог особенно заметно измениться под экватором. Со стороны ли пищи? — Но не приуроченные по примеру некоторых птиц к определенному лишь корму, голуби венеценосные не так уже прихотливы в пище, как показывает содержание их в неволе, по зоологическим садам Европы, на обыкновенном «голубином корме».

Может быть геологические изменения их бывшей родины, возможные, если учесть расположение Индомалайской и отчасти папуасской области в районе действующих вулканов — вспомним столь известную катастрофическую гибель острова «Крака-Тау»....

Но дело в том, что сходные же затруднения, отсутствие следов **ближайших** предков, нам пришлось бы констатировать для сотни с лишним голубей Ново-Гвинейской области (как и для тысяч самых разных видов птиц...) и объяснять исчезновение их предков, прибегая к «катастрофам» — слишком отдавало бы аргументацией **Кювье** и его Школы.

Говоря о предках занимающей нас группы голубей и о загадочном отсутствии сейчас каких либо следов их современных родичей, мы разумеем лишь ближайших предков, примыкавших к современным птицам по

размерам и по сложению, быть может, по окраске, но лишенных, надо думать, головного их убора, столь определяющего облик их. Однако, соглашаясь, что и склад, и крупная величина могли слагаться медленно и прогрессивно в ходе постепенного «приспособления» мы затруднились бы признать полезность головного украшения, будь то «короны» или «веера», особенно учитывая (вопреки ходячим представлениям о «голубиной кротости»..) драчливый голубиный нрав и полное отсутствие подобных украшений у громаднейшего большинства сочленов данного Отряда: лишний повод допустить внезапное, спонтанное происхождение самого типа головного украшения у этих птиц.

Гораздо менее загадочна окраска вееро-венецносных голубей, диффузно-сизая она напоминает сходную окраску одного «ушастого фазана» (*Crossoptilon auritum*) и скрывает обладателей своих не хуже, чем лубое тусклое, тупое по окраске оперение.

Труднее примирить с законом «Защитной Окраски» одеяния других родов и видов голубей тропического пояса.

Значительная часть их, правда, облачается, как уже было сказано, в тона вечнозеленого тропического леса, и, однако, принимая во внимание беззащитность этих птиц, приходится лишь удивляться как наперекор всем ожиданиям, не малое число их яркостью наряда словно преднамеренно бросает вызов всем законам «защитного сходства».

И действительно, каких только окрасок, сочетаний колеров мы не встречаем мы порой на оперении тропического голубя! Не говоря уже о вышеупомянутых бело-пурпурных, или огненно-оранжевых миниатюрных голубках (*Ptilopus*, *Chrysoenas*) даже там, где крупные размеры птиц, особенно настойчиво вызывают к защитному цвету оперения, оно нередко самым явным образом ему противоречит.

Здесь достаточно напомнить об обширной по распространению группе **,tks|** голубей (Рода **Myricticivora.**) охватывающих в пяти различных викарирующих формах (см. стр.....) необъятный ареал от Андамских островов через Индо- малайский Архипелаг, вплоть до Австралии и Нов. Гвинеи и ни мало не страдающих от своей белой масти, как то явствует из массовой встречаемости некоторых видов

Но и там, где общий тон окраски в особенности мантии созвучен жизни в зелена лесов, другие части оперения покрашены самым различным образом и часто всего менее «защитно», как это мы видим на новозеландском крупном голубе из рода **Hemifhaga** сверху темно-бронзово-зеленом с белоснежным низом.

Как пример необычайной прихотливости окраски диких голубей, живущих в той же местности и в сходном окружении, полезно привести четыре следующий формы: **Carpophaga**

1. *C. rufiventris*: снизу густо-охристый. Нов. Гвинея
2. *C. paulina*: снизу розовато-белый. О. Целебес
3. *C. chalibuga*: снизу белый с розовым оттенком
4. *C. rhodinolaema*: снизу серовато-белый: Филиппины, Нов. Гвинея

Перед нами полная градация оттенков. Поворачиваем птиц спиной кверху.

Крайние две правые почти неотличимы, представляя несомненно местные две расы той же птицы.

Крайние левые резко разнятся от предыдущих, как и в отношении друг к другу:

Целебесский — рыжим гривистым затылком

Ново-Гвинейский — рыжим брюхом, сизой шеей и затылком, резко отделенными от медно-бронзово-сма-рагдовой спины и пурпура надхвостья, пурпурными рулевыми с пепельной конечной лентой.

Приведенный только что пример до крайности типичен и при том в двояком отношении:

- a. Как лишний образец того, что только в очень узких рамках именно в пределах данного лишь **вида**, или даже дробной его части можно говорить о подлинной преемственности **рас** (не предвешая направления ее!) а не отдельных только признаков (*C. chalibouga* — *C. rhodinolaema*)

b. Как иллюстрация полнейшей автономности окраски разных партий оперения в пределах даже близких форм того же рода (*C. rufiventris* — *C. paulina*).

Очень важно подчеркнуть еще одну особенность, а именно столь часто наблюдаемое пронизание и нарушение «защитной окраски» элементами орнамента, ни мало не содействующей таковой.

Вспомните еще раз тона и краски оперения *Carpophaps rufiventris* — крупного голубя с Новой Гвинеи.

Обе партии, и низ, и верх покрашены защитно: ржавый цвет всей нижней стороны, как смарагдово-пурпурный верхней, одинаково скрывают птицу, будь то на земле, или на дереве, и даже резко отделенное от бронзовой спины голубовато-пепельное оперение задней части шеи и затылка лишь усиливают «комфлетно» покровительственную окраску.

Но взгляните, как на фоне и при сохранении последней, тонко и изящно расцветилась мантия, спина и хвост смарагдом, бронзой, пурпуром, с каким неподражаемым изяществом заканчивает пепельная полоса пурпурно-бронзовые рулевые.

Но и там, где общая окраска более скромна и монотонна, а принципы защитной окраски выдержаны строже, как это мы видим в оперении многих голубей, покрашенных в зеленый цвет, — Природа компромиссно сочетая покровительственную окраску с элементами орнамента, не удержалась от изящных золотистых кромок и пестрин на кроющих крыла и самых маховых.

Очень наглядно эту разрисовку можно видеть на подборе четырех зеленых голубей различных четырех родов:

Vinago vaalia .. (С.В. Африка) желтые полосы крыла слабо намечены.

Sphenocercus aricauda (Гималаи, Индия): полосы многорядны и сильнее.

Crocopus phenicortegus (Индия) Полосы еще богаче выражены.

Treeron nipalensis Зап. Индия, Зондские О-ва. Полосы яркие и обильны.

И учитывая факт встречаемости в той же местности зеленых голубей различных видов, то имеющих на крыльях желтые отметины, то их лишенных, принимая во внимание, что в том же роде (*Sphenocercus* и *Ptilopus*) есть виды, несущие полосы, а другие — нет, довольно трудно дать биологическую расшифровку этим желтым кромкам, будь то с точки зрения орнамента, или «распознавательных», сигнальных пятен, мало вразумительных при резком и стремительном полете этих птиц.

Но тем бесспорнее декоративное значение металлически-блестящих пятен, нанесенных на вторичных маховых и кроющих крыла у небольшого австралийского, невзрачного по цвету голубка из рода **Phaps**: меняя, как обычно то для ирризирующих перьев, цвет, или оттенок блеска, от смарагдово-зеленого до медно-красного, эти сверкающие пятна расположены особым образом лишь на наружном опахале каждого пера и только в меру выступания его из под соседнего, лежащего верхнего. В итоге металлически-блестящая мозаика, подобие сверкающих смарагдово-пурпурных черепиц, слагающихся в целостный сверкающий ковер... Будто невидимой рукой покрыты перья металлически-блестящим слоем, но лишь в меру части перьев, обращенных к свету, не затронув части, скрытые от света и... чьего то глаза!

В заключение нашего очерка по изучению орнаментов у диких голубей тропического пояса, попробуем свести все сказанное и рассмотренное к ряду следующих тезисов:

I. При господствующем покровительственном (именно зеленом) тоне оперения, свойственном значительному большинству сочленов диких голубе-экзотов, попадает не мало форм цвет оперения которых явным (чтобы не сказать: кричащим) образом противоречит требованиям защитной окраски /белые дикие голуби рода **Myristicivora**, ярко-оранжевый **Chrysoena** и др.

II. Не в пример другим, ярко покрашенным древесным птицам, экзотические голуби, за правило, являют склонность к некоторой погашенности ярких партий и тенденцию согласовать и примирить принципы защитной окраски и орнамента.

III. Достойна быть отмечена присущая наряду некоторых форм тончайшая структурная модификация отдельных перьев (расщепленность опахал, «гофрированность» их), содействующая изяществу наряда но лежащая заведомо за гранью всякого «отбора».

- IV. Минуциозность некоторых деталей украшений («черная шапочка», пятно брюшка) настолько очевидна, что едва ли может быть причислена к «приспособительным» чертам и понята под знаком «постепенного» развития.
- V. Присущий некоторым голубям дихроматизм, резкое отличие самцов от самок по окраске и рисунку, лишней раз наводит к мысли о подобном же спонтанном, целостном возникновении и мономорфных оперений тех же птиц.
- VI. Примеры «эксцессивных» украшений вроде «гривы» никобарских голубей, «венцов» и «вееров» больших ново-гвинейских голубей, доступны также более гипотезе «спонтанных» изменений, чем теории их медленного постепенного развития.
- VII. Широкое распространение некоторых форм, представленных одним лишь видом, или, в лучшем случае, немногими лишь расами, также с трудом увязывается с принципом «вымирания» их ближайших предков за предполагаемой приспособленностью их в борьбе за жизнь.
- VIII. Широта распространения некоторых форм с обилием локальных рас дает поддержку мысли о влиянии **климата** (в широком смысле слова!) на процесс образования последних.
- IX. Поразительная мозаичность сочетания цветных полос и пятен, свойственных различным близким видам голубей, не исключает мысли об участии в образовании таких локальных рас момента скрещивания, гибридизации. (Венеценосный и веероносный голубь Н. Гвинеи)
- X. Своеобразное расположение блестящих пятен на крыле по типу оперения в роде **Phaps**, с определенной установкой «на показ», вскрывает несомненное участие в этих орнаментах каких то «внешних» стимулов, а не одних лишь внутренних причин и факторов.